

*ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР*

И. П. ЕРЕМИН

К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке

Широкая популярность в России во второй половине XVII века произведений украинской литературы „киево-могилянского“ периода ее истории — факт общеизвестный. Но не меньшей популярностью пользовалась на северо-востоке Руси в XVII веке и литература украинская конца XVI—начала XVII века, „до-могилянская“, — как показывают некоторые факты, в этой связи до сих пор не обращавшие на себя должного внимания.

1

Борьба за национальную независимость породила на Украине в конце XVI—начале XVII века обширную литературу открытых писем, памфлетов, полемических трактатов. Уже в первой половине XVII века эта так называемая полемическая литература получила распространение и в пределах Московского государства. Все здесь, в этой литературе — и критика воинствующего католицизма, и яркая картина преследований, которые терпели и терпят православные в панской Польше, и пафос утверждения своей национальной культуры — все это не могло не привлечь к себе сочувственного внимания московского читателя XVII века, сравнительно недавно пережившего кризис „смутного“ времени. Некоторые из украинских книг этого рода в Москве в XVII веке не только внимательно перечитывались, но и переводились на русский язык, нередко переделывались, а иногда даже, полностью или в извлечениях, переиздавались. В 1624—1625 годах одна из них, именно „История о Листрикийском, то есть о разбойническом Ферарском або Флоренском соборе“ так называемого Клирика Острожского, послужила источником „Повести слезной“ о том же событии князя И. А. Хворостинина. В 1644 году в Москве была напечатана „Кириллова книга“, в состав которой вошла в переводе на современный книжный русский язык, частью полностью, частью в отрывках, целая серия украинских полемических произведений XVI—XVII веков: трактат Василия Острожского „О единой истинной православной вере“ (1588), „Казанье святого Кирилла патриархи Иерусалимского о антихристе“ Стефана Зизания (1596), острожская „Книжица“ 1598 года, изданная Киево-Печерской типографией в 1620—1621 годах „Книга о вере“ Захарии Копыстенского и др. В 1648 году в Москве была переведена и впервые напечатана рукописная „Книга о вере“ игумена киевского Михайловского монастыря Нафанаила. В 1652 году был переведен „Лифос“ — полемический трактат

тат, изданный на польском языке в Киеве в 1644 году по инициативе Петра Могилаы.

Нашел своих читателей в России и крупнейший украинский писатель демократического лагеря XVI—XVII веков — Иван Вишенский, замечательный мастер полемики и агитации, „один из творцов народной украинской литературы“ (И. Франко).

Из произведений Ивана Вишенского одним из первых стало известно в Москве его напечатанное анонимно в острожской „Книжице“ 1598 года гневное послание епископам-рenegатам — „от святое Афонское горы скитствующих“. В 1644 году послание это было в Москве переиздано в составе „Кирилловой книги“ наряду с остальными статьями острожской „Книжицы“ — соборным посланием князя К. К. Острожского и посланиями патриарха Мелетия. Послание напечатано в „Кирилловой книге“ полностью; некоторым изменениям подвергся только язык: мела — имела, хотечи — хотячи, голыми словесы — нагими словесы, совлеченем — совлечением, обачиши — узриши, маестности — имения, толко — точию, пан — господин и т. п.

О том, что произведения Ивана Вишенского были в свое время хорошо известны и в пределах „Великой России“, свидетельствует прежде всего дошедший до нас рукописный материал. Из общего числа пяти известных мне списков сочинений Вишенского четыре несомненно русского происхождения: список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Толстого Q. 1.243, XVII—XVIII вв.; список Государственного Исторического музея, собр. Уварова № 632 (486), нач. XIX в.; список Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, собр. Титова № 2425 (1333), первой половины XIX в.; список библиотеки Саратовского Государственного университета, собр. Мальцева № 910 (502), 1862 г. Судя по этим спискам, русскому читателю, кроме послания „от святое Афонское горы скитствующих“, были известны следующие произведения Вишенского: первые пять глав его „Книжки“ (сборника избранных сочинений, составленного самим Вишенским в 1599—1600 годы), его послания львовскому братству, старице Домникии, Иову Княгиницкому, „Зачапка мудрого латынника з глупым русином“, „Краткословный ответ“ Петру Скарге, „Позорище мысленное“, — т. е. в сущности все наиболее значительное из его литературного наследия.

Сличение текста „Книжки“ Вишенского по списку собр. Уварова № 632 (486)¹ с текстом той же „Книжки“ по древнейшему и лучшему из пока известных нам списку — № 4 б рукописного собрания библиотеки монастыря св. Онуфрия в Львове, первой половины XVII века, — показывает, что русские писцы, трудясь над перепиской сочинений Вишенского, не ограничивались одним только механическим копированием украинского оригинала, но по мере сил и умения пытались сделать его доступным для понимания русского читателя. На это указывают массовые случаи о с м ы с л е н и я, иногда неудачного, слов и словосочетаний: мусит (л. 213 об.) — мучит; отрувся (л. 218) — отрупився; вмеш (л. 231) — смееш; цноты (л. 233 об.) — ценности; прагнул (л. 234) — правду; блазенствах (л. 238) — блаженствах; трактovati (л. 245) — страстиковати; мнеманя (л. 269 об.) — вниманя; фрасовати схочете (л. 272) — гневатися хотяще; курва (л. 278 об.) — недоброе; пилнуют (л. 303 об.) —

¹ Списки собр. Титова № 2425 (1333) и саратовский — той же группы, что и список собр. Уварова № 632 (486); последний, однако, несколько лучше воспроизводит текст их общего протографа.

именуют, и т. п. О том же свидетельствуют и нередкие случаи более или менее точного перевода украинского оригинала на русский книжный язык: пытаю (л. 204) — вопрошу; прагнут (л. 204) — желают; мел (л. 205) — имел; мощно (л. 205 об.) — крепко; майстром (л. 207 об.) — мастером; грошки (л. 207 об.) — денги; хату (л. 207 об.) — избу; везвал (л. 209) — позвал; вышемененый (л. 214 об.) — вышеименованный; нехай (л. 215 об.) — пусть; ганбяхих (л. 216) — хулящих; урядил (л. 218 об.) — устроил; вшелякого (л. 219 об.) — всякого; ледве (л. 233 об.) — насилу; запевно (л. 224) — за совершенно; дотиснути (л. 225) — достигнути; стратили (л. 227) — потеряли; пыху (л. 227 об.) — гордость; ведлуг (л. 231 об.) — ради; чобот (л. 234) — сапог; цноты (л. 237) — чести; жолнером (л. 238 об.) — служивым; загамует (л. 253 об.) — усмирит; розмаитых (л. 260) — разных; богобойне (л. 263 об.) — богобоязне; зычит (л. 268 об.) — желает; жадное (л. 269) — кождое; послушайте (л. 269 об.) — послушайте; не досыт (л. 271) — не доволен; лепше (л. 272) — лучше; горелки (л. 272 об.) — вины; дотягнет (л. 272 об.) — станет; пеняжные (л. 273) — денежные; на колысках (л. 273) — на колясках; праці (л. 273) — работы; напыхаете (л. 273) — наполните; першее (л. 274 об.) — первое; не пытаются (л. 278) — не спрашиваются; в сховане сердца (л. 278 об.) — в сохранение сердец; дерами (л. 280) — проломы; гвалт (л. 283) — шум; невымовный (л. 285) — неглаголаный; мистра (л. 285) — беса; зацными (л. 285) — значными; отрыгане (л. 293 об.) — ругание и пр.

Тот факт, что некоторые слова, например прагнути, цнота, в одних случаях переведены совершенно правильно, в других же только подвергнуты осмыслению, — признак, что над приспособлением текста Вишенского к пониманию русского читателя потрудились, видимо, не один писец. На это указывает и список собр. Толстого Q. 1.243, где также налицо примеры прямого перевода украинского оригинала на русский язык: велбити (л. 240) — величати; бач (л. 253) — видишь; мощно (л. 288 об.) — крепко; стопней (л. 275) — степеней; котрое (л. 283 об.) — которое; властеля (л. 302 об.) — властителя; забитям (л. 304 об.) — убитием и пр.

Списки сочинений Вишенского собр. Уварова № 632 (486), собр. Титова № 2425 (1333) и саратовский, собр. Мальцева № 910 (502) — старообрядческого происхождения. Отсюда следует, что сочинения Вишенского в свое время охотно читались и переписывались и в среде раскольников-старообрядцев. Ничего неожиданного в этом нет.

Распространению его сочинений в старообрядческой среде прежде всего отнюдь не мешало то обстоятельство, что они касались событий конца XVI — начала XVII века, притом специфически украинских; старообрядцы, судя по их писаниям, не только были хорошо осведомлены о событиях на Украине XVI — XVII веков, не только знали имена крупнейших деятелей того времени — князя К. К. Острожского, М. Рагозы, М. Смотрицкого, но даже не раз современное им церковное „смятение“ ставили в прямую связь с церковной унией 1596 года. „Егда исполнися 600 лет после римскаго падения, тогда Малыя России народи отступша к римскому костелу от восточныя церкви христовы. Егда же после того исполнилося 60 лет, тогдаж в Великой России у нас велие смятение учинися, також и отступление совершися“, — писал инок Авраамий, один из первых расколоучителей, толкуя число 666, „число зверя“, в своем „Християноопасном щите веры“.¹ „Отпиши ко мне, как живут

¹ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под ред. Н. Субботина, т. VII. М., 1885, стр. 238.

отщепенцы, б... дети, новые унияты“, — просил игумена Феоктиста протопоп Аввакум, имея в виду никониян.¹

Не мешало популярности Вишенского в старообрядческой среде и то, что в сочинениях его большое место отведено полемике с латинством, обличительной критике римско-католической церкви и папской курии. Полемике с латинством и сами старообрядцы придавали большое значение, так как не сомневались в том, что все основные „дохматы“ никонианской „ереси“ — латинского происхождения и внушены Никону и его последователям предтечей антихриста — римским папой. Не только „крыж четвероконечный“, „клобуки рогатая“, требование „трижды глаголати «аллилуия»“ и прочие „живые“ догматы никониан являются, с точки зрения Аввакума, „мудрованием римскаго костела“, „поляков и киевских уният“, но латинского происхождения и самый главный их „дохмат“ — новое „в перстах сложение“. „Еже креститися тремя персты, — большим, и указательным, и великосредним, — се бо есть древняго Фармоса и отступника папы римскаго мудрование его со дьяволом, — писал Аввакум сибирской „братии“, — он тремя персты крестился и людей благословлял... Того ради блюдитесь, правовернии, сея скверныя печати, да не со дьяволом осужени будете в тартаре преглубоком“.²

Есть, наконец, все основания предполагать, что Вишенский принадлежал к числу тех авторов, сочинения которых старообрядцы, — в массе своей в XVII веке выразители посадско-плебейского и крестьянского протеста против Московского феодально-крепостнического государства, — ценили в особенности, так как именно в них находили ответ на многие волновавшие их вопросы, наталкивались на мысли, во многом соответствующие их собственным убеждениям. Действительно, достаточно сопоставить сочинения Вишенского с писаниями хотя бы того же Аввакума, чтобы убедиться в том, что популярность Вишенского в среде старообрядцев была не случайной, а опиралась на глубокое сочувствие многим его идеям, его настроениям, его миропониманию.

„Помните ли вы, как Мелхиседек жил в чащине леса того, в горе сей Фаворстей, семь лет ядый вершине древес, и вместо пития росу лизаше? — совсем в манере Вишенского допрашивал Аввакум современных ему князей господствующей церкви в беседе седьмой — „О старолюбцах и новолюбцах“. — „Прямой был священник, не искал ренских, и романей, и водок, и вин процеженных, пива с кордомоном, и медов малиновых и вишневых, и белых всяких крепких. Друг мой, Иларийон архиепискуп Рязанской! Видиши ли, как Мелхиседек жил. На вороных и в каретах не тешился езда. Да еще был и царские породы. А ты кто? Воспомяни о себе, Яковлевич, попенок! В карету сядет, растопырится, что пузырь на воде, сидя в карете на подушки, расчесав волосы, что девка, да едет, выставя рожу на площади, чтобы черницы-ворухинянки любили. Ох, ох, бедной! Некому по тебе плакать...“.³

„Все христиане от апостол и отец святых научени быша смирению, и кротости, и любви нелицемерной, — читаем в пятой беседе Аввакума — „О внешней мудрости“, — с верою непорочно, и постом, и со смиренною мудростию, живуще в трезвости, достигают не мудрости внешней, — поразумевати и луннаго течения, — но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы и со ангелы сподобляются славити

¹ Памятники истории старообрядчества XVII в., вып. 1. Русская историческая библиотека, т. XXXIX, Л., 1927, стр. 910.

² Там же, стр. 867—868.

³ Там же, стр. 303—304; ср. стр. 280—281, 335.

бога... Алманашники, и звездочетцы, и вси зодейщики познали бога внешнею хитростию, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми... Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин— вси сии мудри быша и во ад угодиша... взимахуся... выше облак,— слово в слово, яко и сатана древле. Сего ради отверже их бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение...¹

Доказывая боярыне Ф. П. Морозовой равенство всех людей перед богом, Аввакум приводил те же доводы, что и Вишенский: „Али ты нас тем лутчи, что боярыня? Да одинако нам бог распростре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и вся прозябающая по повелению владычно служат тебе не болши и мне не менши“.²

„В нынешнее настоящее, огнепальное, время со исповеданием и со прощением, друг ко другу, тела и крови причащайтесь“, — писал Аввакум в Москву „всем горемыкам“; перспектива остаться „без попов“ не смущала Аввакума, как не пугала она и Вишенского: „аще нужда привлечет“, лучше, по мнению Аввакума, „исповедатися искусному простолудину, нежели невежди попу, паче же и еретику“.³

Вишенский полагал, что есть только один путь „спасения“: безоговорочный отказ от всех радостей и утех жизни, бегство из этого мира зла и несправедливости; того же мнения держались и Аввакум и другие расколоучители. „Един бысть православный царь на земли, — писал инок Авраамий „христоробцу некоему“, — и того, не внимающего себе, увы, западни еретицы, яко облацы темнии нашедше, угасили христианское солнце российское, и свели во тьму многия прелести, и погрузили до конца, да не возникнет на истинный свой первый свет правды. О, горе бысть сие, возлюбленнии! Не явно ли антихристова личина показывает свою прелесть? Да внимаем себе, сиречь отсюдо обзираем и с нечестивыми не мешаем себе, путь бо нечестивых погибнет, — и развращеннаго их учения не послушаем, да не осудимся вечно от Христа и святых его со отступниками и еретики, — но бегаем от них и скроем главу свою Христа, да не разлучимся с ним во веки веком...“.⁴

2

Не меньший интерес со стороны русских читателей XVII века вызвала к себе и другая распространенная отрасль украинской литературы конца XVI—начала XVII века — виршевая поэзия.

С образцами ее систематически знакомила русского читателя украинская печатная книга. Как известно, уже с 1581 года (см. острожскую Библию) на Украине утвердился обычай украшать книгу — в начале, а иногда и в конце — разного рода стихотворными посвящениями, приветствиями, предисловиями и пр.⁵ Есть основание думать, что этот стихотворный орнамент книг „литовской“ печати и явился в начале XVII века одним из проводников стихотворной культуры в Московской Руси. Показательно, что характер именно такого стихотвор-

¹ Там же, стр. 287—290.

² Там же, стр. 917; ср. стр. 402.

³ Там же, стр. 421; ср. стр. 831, 939.

⁴ Я. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912, стр. 162.

⁵ См.: Хв. Тітов. Матеріали для історії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв. Київ, 1924, стр. 85, 94, 103, 133—134 и сл.

ного орнамента — в данном случае стихотворного послесловия к книге — носит один из наиболее ранних памятников русской виршевой (досилабической) поэзии — вирши, которыми заканчивается, в обеих редакциях, известная „Повесть“ князя И. М. Катырева-Ростовского. Эти вирши¹ (последние из них так и называются — „Начало виршем Мятжежным вешем...“) с аналогичными украинскими сближаются не только по жанру, по занимаемому ими месту в книге, но, — на это указал уже Н. К. Гудзий,² — и по языку.

Очень рано, не позже 20-х годов XVII века, стали проникать в Московскую Русь, наряду с виршами орнаментального назначения украинских печатных книг, и широко распространенные на Украине в конце XVI — начале XVII века вирши полемические, направленные против разного рода „еретиков“ и, в частности, против римско-католической церкви. Во всяком случае вирши этого типа были хорошо известны другому пионеру русской виршевой поэзии начала XVII века князю И. А. Хворостину, автору „Изложения на еретики и злохулники“ — обширного стихотворного трактата, направленного против латинян. Убеденный „западник“ по умонастроению, за свое неумеренное „западничество“ два раза поплатившийся ссылкой в монастырь на покаяние, И. А. Хворостинин написал это свое „Изложение“ (1300 стихов, связанных „двоестрочным согласием“, т. е. парными рифмами) около 1625 года, незадолго до смерти, видимо с целью снять с себя обвинения в пристрастии к „еретикам“ — латинянам. И по содержанию и по композиции (чередование стихотворений, из которых каждое представляет собою замкнутое целое и носит особое заглавие: „О лъжепастырях“, „О латыньской гордости“ и т. п.) стихотворный полемический трактат И. А. Хворостинина³ близко напоминает аналогичные украинские вирши, тоже направленные против латинян, — Загоровского сборника первой половины XVII века.⁴ Прямую связь виршей Хворостинина с этими или им подобными виршами выдают и нередко встречающиеся в его „Изложении“ украинизмы: „иже прегордому папе негоддует“ (стр. 55); „и не любит Христос, где мерзости згода“ (стр. 57); „таковыи себе мучению вдавают“ (стр. 58); „приняти частую оферу“ (стр. 72); „земная оздоба“ (стр. 73); „виждь заходныя церкви уставы“ (стр. 77) и пр., а также характерные украинские рифмы: пориры — мѣры (стр. 70).

¹ См. „Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени“ (Русская историческая библиотека, т. XIII, вып. 1. Л., 1925, стр. 619, 622—624, 707, 710—712).

² Н. К. Гудзий. Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского. Статьи по славянской филологии и русской словесности. Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 308.

³ См.: Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков. Летопись занятий Археографической комиссии, вып. XVIII, СПб., 1907, стр. 40—80.

⁴ См.: А. Доброворский. Загоровский монастырь, его библиотека и сохранившийся в ней западнорусский литературный памятник XVII-го столетия. Вестник юго-западной и западной России, № 8, 1863, стр. 85—107.